

НОВОГОДНЯЯ *комедия*

ЧАСТЬ 1

И ВСЕ ТАКИЕ РАЗНЫЕ

ГЛАВА 1

Новый год — это прекрасное время для подведения итогов и отличный повод для радости, если, конечно, подбитые за год итоги вас впечатляют и радуют. Увы, в этот предновогодний вечер Олесе радоваться было нечему — неудачи в ассортименте просто преследовали ее в последний месяц. Начать с того, что в ноябре Олесю не взяли в спектакль, в котором она хотела играть, в начале декабря накрылась ее роль в сериале, а за пять дней до Нового года она рассталась со своим молодым человеком. Впрочем, последнее событие, в реестре жизненных неудач, отнюдь не воспринималось Олесей как главная неудача.

Сейчас самым важным был для нее кастинг, в очереди на который Олеся провела уже четыре часа; и если уж и с ним не повезет, ну тогда все — никакого не то что праздничного настроения, а вообще жизни не будет.

— Разве нормальные люди будут назначать кастинг на тридцатое декабря, когда все либо готовятся к встрече Нового года, либо его уже встречают? — фыркнула яркая блондинка в очереди.

Олеся кивнула, внутренне соглашаясь. Она бы тоже сейчас предпочла думать о празднике, а не о том, подойдет ли она в этот мюзикл. И все-таки подойдет или не подойдет?! Одна и та же мысль крутилась в голове дурной каруселью. Олеся оглядела собратьев по несчастью, то бишь конкурентов: лица у соискателей ролей в новом масштабном мюзикле были кислые и тревожные, и вся гигантская очередь, выходящая далеко за пределы телецентра, напоминала (общим выражением лица и витающим в воздухе настроением) очередь в кабинет стоматолога. Впрочем, лица тех, кто покидал зал, в котором шло прослушивание, были еще горестнее.

«Что ж такое там с ними делают?!» — испуганно ойкала блондинка, глядя на очередного несчастного, на челе которого ясно читалось: «Оставь надежду всяк сюда входящий!»

— Не возьмут, ясен пень, не возьмут! — в итоге констатировала блондинка. — Чо я сюда вообще приперлась?

Олеся промолчала, хотя тоже задавала себе такой вопрос.

— А ты на какую роль пробуешься? — поинтересовалась разговорчивая блондинка.

Олеся закашлялась и выдохнула:

— Снежинки!

Получилось, как будто каркнула ворона — хрипло и громко. Блондинка даже испуганно отшатнулась.

— Ты болеешь, что ли? — спросила она после долгой паузы.

— Болею, — чихнула Олеся.

Блондинистая барышня наморщила лоб:

— Ты в подтанцовку пробуешься?

— Нет, в вокал.

— Как же ты будешь петь с таким голосом? — ахнула блондинка.

— Не знаю, — едва не разрыдалась Олеся.

Действительно, как можно петь таким голосом, когда она говорить-то нормально не может? И попробуй убедить этих продюсеров в том, что еще несколько дней назад она пела так, что можно было заслушаться: с переливами, легко беря три октавы. Нет бы прослушивание отложить на неделю-другую, когда Олеся снова будет в голосе! Но кастинг, как поезд, проходил четко по расписанию, тут ждать не станут, кто не успел — тот опоздал. У Олеси даже возникла недобрая мысль: вот бы сейчас случилось что-нибудь этакое, что могло бы гарантированно отменить кастинг — например, нашелся бы какой-нибудь добрый волшебник или просто хороший человек, который бы позвонил куда надо и сообщил, что здание продюсерского центра... заминировано! И всем надо быстрее из него бежать, а кастинг провести после праздников; но эти опасные мысли шли вразрез с Олесиным воспитанием и совестью, а посему она смирилась с жестокой судьбой, тем более что было уже и поздно — девушка-ассистент выкрикнула ее фамилию: «Цветкова!»

И несчастная Олеся Цветкова на полусогнутых ногах поковыляла в зал. Увы, ей удалось спеть только первый куплет любимой песни. Когда она, преодолевая дикую боль в горле, заголосила, изо всех сил стараясь петь проникновенно, лицо главного продюсера искажилось, как от зубной боли.

Он взглянул на Олесю с какой-то безразличностью и махнул рукой:

— Все понятно, достаточно.

«Ну что вам понятно? — Олеся укоризненно посмотрела на него. — Что вам может быть понятно? Что у меня температура тридцать восемь, но я все-таки притащилась на ваш кастинг, потому что он ох как важен для меня?! Или, может, вам ясно, что Сергей разбил мою жизнь, и мне теперь не то что петь о любви, а вообще слышать о ней тяжело?»

— А можно я допою до конца? — робко спросила Олеся и сразу поняла, что лучше было не выступать с подобным предложением.

Самый главный продюсер хмыкнул:

— А кто вам сказал, девушка, что вы умеете петь? Этот человек оказал вам плохую услугу.

Олеся переминалась с ноги на ногу, ей хотелось рассказать этому главному хаму и остальным членам жюри, что на самом деле она петь умеет, а просто так сложились обстоятельства, что сегодня она не в голосе. Но по их усталым, равнодушным лицам было понятно, что им это неинтересно. Тем более что в очереди рвались в бой еще сто пятьдесят более удачливых соперниц. Олеся развернулась и побрела восвояси. Отказ на кастинге был еще одним подарком судьбы в общую праздничную корзину к Новому году, доверху наполненную неудачами.

Почувствовав, что температура поднимается, Олеся забрела в кафе телецентра, чтобы выпить горячего чая. Она примостилась за столиком и вдруг обмерла: в зал вошла сама Лиза Барышева — знаменитая артистка и телеведущая. Вернее сказать, Лиза не вошла, а вплыла павою, этакое диво дивное с нарощенными волосами до попы и ресницами, закрывающими пол-лица. А за Лизой в кафе вошел тот самый главный продюсер, отказавший Олесе в мюзикле ее мечты. Увидев Барышеву, он ринулся к ней и принялся что-то игриво нашептывать. По всему было видно, что

стоит Лизе только подмигнуть ему, и он отдаст ей любую роль в мюзикле. Олеся почувствовала обиду — любому дураку понятно, что у Лизы нет голоса. Она не поет, а мяукает, как кошка, компенсируя ослепительной внешностью и обаянием отсутствие вокальных данных. И тем не менее Лиза петь не стесняется, как телевизор включишь — она тут как тут, мяукает во всех шоу. Конечно, если у тебя грудь третьего размера, зачем тебе голос? Кого в наше время это вообще интересует?

Лиза фамильярно потрепала самого главного продюсера по щеке и удалилась, гордо выступая в образе королевишны экрана.

«Вот, наверное, счастливая женщина! — вздохнула Олеся. — Везет же некоторым!»

* * *

Но «некоторые» считали, что им вообще не везет. Ибо сказано, «богатые тоже плачут». И знаменитые. И красивые.

Лиза Барышева подошла к окну своей гостиной, из которого был виден Кремль. Послезавтра часы на Кремлевской башне возвестят стране о начале нового года. Больше всего на свете Лиза хотела бы в этот момент смотреть на главные часы страны именно из этого окна, и Новый год она хотела бы встречать у себя дома. Рядом с Андреем. Под елкой, с оливье и шампанским.

Да, именно так, хотя если бы ей кто-то пару лет назад сказал, что она будет мечтать о таком простом, незатейливом женском счастье, она бы, пожалуй, перекрестилась — чур меня!

Ей приходилось по-разному встречать Новый год: в одном из лучших ресторанов Парижа (ее любовник заказывал столик за два месяца), в Вене (первого января она с бывшим мужем побывала на концерте Венского филармонического оркестра), на Мальдивах,

в Нью-Йорке на Таймс-сквер, и вот удивительный казус судьбы — теперь ей не надо никаких французских ресторанов или залитого огнями, ликующего Нью-Йорка, и солнечных стран, где нет снега, а нужна волшебная снежная полночь в Москве, в собственной квартире, и чтобы Андрей, ну пусть в качестве новогоднего подарка, сделал бы ей предложение. Но это, казалось бы, такое реальное счастье было невозможно, потому что для него не хватало совершенной малости — чтобы все вышеперечисленное также хотел и Андрей. А он...

Неделю назад, когда они ужинали в любимом ресторане, она сказала ему, что хотела бы встречать Новый год вместе с ним. И что же? По его красивому, нервному лицу пробежала тень сомнения, а пожалуй, и недовольства.

— Я еще не думал об этом, — сказал Андрей. — Извини, столько работы, что было не до праздников.

Лиза вздохнула — опять работа; в последние два месяца, когда «Рождественскую симфонию» Андрея готовили к январской премьере, он почти все время проводил с оркестром, а до этого — полгода за роялем, пока сочинял симфонию. На все ее просьбы выйти с ней в свет Андрей отвечал отказом, ссылаясь на то, что устал, энергетически выдохся и не хочет посещать шумные светские мероприятия. Она старалась отнестись к этому с пониманием, но сейчас, когда речь шла о первой совместной новогодней ночи...

— Разве я прошу о чем-то невозможном? — изумилась Лиза.

Она так удивилась, что даже выключила звезду, от обиды, от растерянности превратившись в обычную женщину, которой больно, когда она понимает, что ее искренность не находит отклика. Андрей смутился и пробормотал, что подумает.

Что ж, до Нового года остается два дня, и теперь самое время вернуться к этому разговору.

Лиза набрала телефонный номер Андрея:

— С наступающим! Ты где сейчас? Опять на репетиции?

— Да, репетируем «Рождественскую», — устало выдохнул Андрей.

— Послезавтра Новый год... — вздохнула Лиза. — Мы будем его встречать вместе?

Молчание, как будто связь прервалась.

— Ты меня слышишь? — отчаянно выкрикнула Лиза.

— Извини, у меня много работы. Я жду важный факс из Америки, давай я перезвоню тебе позже...

Короткие гудки... Лиза застыла с трубкой в руках — как все это понимать?!

Она подошла к зеркалу и с пристрастием оглядела себя: мелирование и укладка от известного стилиста, роскошное платье. Тридцать девять ей никак не дашь (даже при дневном освещении — максимум двадцать семь), и вес идеальный — 53 кг, но, видимо, все-таки что-то с ней не так...

От обиды на Андрея Лиза расплакалась, как девчонка. Да, в этот момент богатая, успешная, талантливая (что отнюдь не синонимы), красивая, известная на всю страну Лиза Барышева чувствовала себя несчастной. И что с того, что она на всех телеканалах, носит одежду известных брендов и в спа-салоне за пару посещений оставляет сумму, равную месячному жалованью какой-нибудь конторской служащей?! Счастье, как безжалостно и беспощадно поняла Лиза, совсем не в этом. То, чего бы ей хотелось, — недоступно. Ее счастье не купишь ни за какие деньги и не вымолишь у судьбы.

* * *

Андрей снял трубку.

— Андрей Савицкий? Вы получили наш факс? — поинтересовался глава крупнейшей в США звукозаписывающей компании Джон Берри.

Андрей подтвердил, что факс принят.

— Когда вы подпишите документы? — спросил Джон.

Андрей замялся, не зная, что ответить. Странная ирония судьбы — вот перед ним лежит контракт, за который многие музыканты отдали бы все на свете, включая бессмертную душу (фактически этот контракт — пропуск в мировую известность, подарок на Новый год от известнейшей музыкальной компании, замри и не выдохни от счастья!), а он почему-то пребывает в замешательстве и не спешит радоваться. Так что все-таки ответить? Пауза затягивается, и молчать уже неприлично.

— Джон, в России сейчас начинаются новогодние праздники... К тому же шестого января у меня премьера «Рождественской симфонии»... Можно я отвечу вам после праздников?

— У вас есть какие-то сомнения? — удивился Джон.

— Нет... Но я должен все обдумать...

— Что ж, отложим переговоры на неделю... Как принято говорить у вас в России: с наступающим! — рассмеялся Джон Берри.

Андрей вздохнул — конечно, по логике вещей он должен быть сейчас не просто довольным, а прямо-таки излучать счастье, а он... Загадочная русская душа! Разве ее поймешь?..

Сразу после разговора с Джоном позвонила импрессарио Андрея Елена.

— Ты получил по факсу контракт? — с места в карьер взяла Елена.

— Да, — ответил Андрей.

— И что?

— Ничего.

— Ты не рад? — удивилась Елена.

— Почему? Рад, — сказал Андрей нарочито жизнерадостным голосом. Похоже, вышло не слишком убедительно, потому что Елена переспросила:

— Что-то случилось? Поссорился с Лизой?

Услышав про Лизу, Андрей почувствовал раздражение — причём здесь вообще Лиза?

— Мы же так долго мечтали о контракте с этой компанией... — растерянно сказала Елена. — Ты ведь понимаешь, какие это перспективы?

— Я все понимаю, — рассеянно сказал Андрей. — Я и не отказываюсь от этого предложения. Но мне надо подумать. Не так просто решиться уехать из России на три года. За праздники я приму решение.

— Андрей, ты устал, тебе надо отдохнуть... Набраться сил перед премьерой, до шестого еще целая неделя.

Андрей хотел было сказать ей, что в последние дни подумывает о том, что премьеру нужно отменить, но, представив несчастное лицо Елены, промолчал. Зачем портить человеку настроение, особенно перед Новым годом?! В конце концов, это его личные проблемы, в которых никто не виноват...

Сегодня, во время генерального прогона своей «Рождественской симфонии», композитор Савицкий вдруг понял, что ее финал «провисает», не согласуется с общей идеей, словно бы вся симфония существует сама по себе, а финал взят из совершенно другого произведения — деструктивный, слишком громкий, пафос-

ный. В нем нет необходимой тишины и какой-то главной паузы. В итоге симфония оставляет неприятное ощущение фальши, искусственности, словно бы тщательно выстроенное, продуманное, сложное произведение вдруг закончили фальшивой нотой, превратив его в фарс. А ведь она посвящена самому волшебному, светлому празднику — Рождеству! Андрей сочинял ее полгода, отказавшись от других проектов, видя в «Рождественской» свое главное предназначение. Он вложил в симфонию столько сил и времени! А за неделю до премьеры, обещавшей быть громкой, вдруг понял, что симфония не удалась. Не слишком приятное открытие, когда билеты уже распроданы и по всему городу висят афиши.

Нет, выпускать симфонию с таким финалом нельзя. Но что делать? Отменить премьеру? Нет, будет скандал... Играть как есть? Но готов ли он к подобному компромиссу? Надо бы все переделать, полностью переписать финал, но у него нет ни идей, ни сил, ни вдохновения. Только усталость и апатия... Да еще этот Новый год на носу! Уехать бы куда-нибудь из России, переждать праздники, но Лиза... Объясняться с Лизой ему совсем не хотелось.

На самом деле тридцать первое декабря он бы с радостью провел по своему сценарию — закрылся бы у себя в квартире, отключил бы телефон и в качестве праздничного шоу наблюдал бы звездное небо в любимый телескоп. За прошедший год в шоу-бизнесе Андрей так устал от звезд кино и эстрады, что в новогоднюю ночь хотел смотреть на настоящие звезды — те, что на небе, прекрасные и молчаливые. В новогоднюю ночь в созвездии Тельца можно будет увидеть Юпитер, Весту и Цереру. Все это куда как лучше объяснений с Лизой или хмельного новогоднего застолья где-нибудь в гостях. Тем более что из-за случившейся на днях командировки в Петербург Андрей пропустил важное событие —

сближение Луны и Юпитера в ночь с 25 на 26 декабря! Может он хотя бы в новогоднюю ночь полюбоваться парадом светил?!

Как, однако, некстати этот дурацкий Новый год! Лиза носится с ним точно дурень с писаной торбой, у нее на новогоднюю ночь такие планы, что тут уж будет не до Юпитера! Давеча в ресторане он было попробовал робко заикнуться ей о том, что она при желании могла бы для праздника найти компанию и повеселей, но Лиза одарила его таким взглядом, что он осекся и не стал развивать эту тему.

Он вообще давно понял, что сопротивление бесполезно и только осложнит и без того нелегкую ситуацию.

* * *

Василий Петрович Цветков начал утро с обычной пробежки в саду и довершил разминку энергичной зарядкой. В свои семьдесят лет Василий Петрович считал своим долгом заботиться о здоровье и поддерживать хорошую физическую форму. Тем более что здесь, в деревне, на свежем воздухе это было делать куда приятнее, чем в городе. Можно сколько угодно бегать, обтираться снегом, а потом, размявшись, затопить баньку. Однако сегодня Василий Петрович завершил спортивный моцион не баней, а уборкой снега, затянувшейся надолго.

Дело в том, что за три дня до Нового года в поселке Бабаево началось снежное шоу. Снег падал, не переставая. Его намело уже столько, что даже собачья будка Пирата, в которой пес жил летом, была скрыта снегом. Дверь в оранжерею, где Василий Петрович зимой выращивал цветы, тоже занесло — так просто не откроешь! Это в городах есть снегоуборочная техника и боевые отряды дворников, а в Бабаево на Лесной улице у Василия Пе-